

8. Социология межэтнической толерантности / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2003.
9. Мусина Р.Н. Толерантность/интолерантность этноконфессиональных отношений в полиэтническом регионе // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан.
10. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе // Социс, 2006. №10. С. 41–47.
11. Ипатова Л.П. Типы религиозного обращения современных верующих женщин Русской Православной Церкви МП. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 2006.
12. Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность / Я.З. Гарипов, Р.И. Зиннурова, К.М. Миннуллин и др. Казань, 2000.
13. Безрогов В.Г. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива // Развитие личности. 2002, №4. С. 119.

Using results of sociological surveys during regular Muslim youth festivals in Volga Region, the author discusses value orientation and religious views of Muslim youth of the region.

В.А. Авксентьев, Г.Д. Гриценко, А.В. Дмитриев УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Для России как трансформирующегося общества характерен значительный конфликтный потенциал, величина которого зависит от конкретно-исторических, социально-экономических, этноконфессиональных, политико-идеологических, культурно-цивилизационных условий того или иного региона. Теория управления и социальная практика актуализируют вопрос об определении факторов региональных (латентных или манифестных) конфликтов, без ответа на который невозможно принимать эффективные политические и административные решения.

Частично ответ на этот вопрос был получен в ходе реализации проекта "Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии" в рамках подпрограммы по Югу России "Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе" программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям". Ведущим исполнителем является Южный научный центр РАН, проект реализуется совместно с Институтом социологии РАН в содружестве со Ставропольским государственным университетом. Исследование имеет теоретический характер, ориентировано прежде всего на прирост теоретико-методологического знания. Однако специфика конфликтологии как от-

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич — доктор философских наук, профессор, директор-организатор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН.

ГРИЦЕНКО Галина Дмитриевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН.

ДМИТРИЕВ Анатолий Васильевич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН.

расли научного знания заключается в том, что она является одновременно и теоретическим, и прикладным знанием.

В этой связи в качестве цели проекта "Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии" были определены не только дальнейшее развитие теоретических аспектов региональной конфликтологии, но и создание теоретической модели регионального конфликтного процесса в полиэтничном макрорегионе.

Эмпирическое исследование 2006–2007 гг. по проблематике проекта проводилось методом экспертного опроса и глубинных интервью. В качестве экспертов были определены специалисты высшей квалификации, работающие во всех федеральных округах Российской Федерации, известные в научном сообществе и имеющие как большой опыт научной, аналитической, экспертной работы, так и значительный опыт участия в других исследовательских проектах. Такой подбор экспертов, характер поставленных перед ними вопросов обеспечили получение уникального научного материала, а также высокую достоверность прогнозов эволюции региональных конфликтов. Экспертное интервью состояло из трех блоков — теоретического, факторного и проективного, большинство вопросов имело открытый характер. Уникальность полученного материала заключается в том, что каждое интервью представляет собой мини-исследование по проблемам региональной конфликтологии, что позволило выявить методологические предпочтения ученых, работающих в предметном поле этой научной субдисциплины.

Реализация проекта осуществлялась в два этапа. В ходе первого этапа (2006 г.), полностью посвященного анализу и прогнозированию динамики регионального конфликтного процесса на Юге России [1], выявлено, что середина десятилетия XXI в. является периодом нисходящей динамики регионального этнополитического кризиса. Однако вследствие недостаточности активных мер в области этнонациональной политики стабилизирующий эффект осуществленных в конце 2004 — начале 2005 г. мероприятий по восстановлению управляемости региональными процессами оказался кратковременным и прогнозируется некоторая эскалация регионального этнополитического кризиса во второй половине десятилетия. В регионе реализуется умеренно-негативный конфликтологический сценарий (рис. 1).

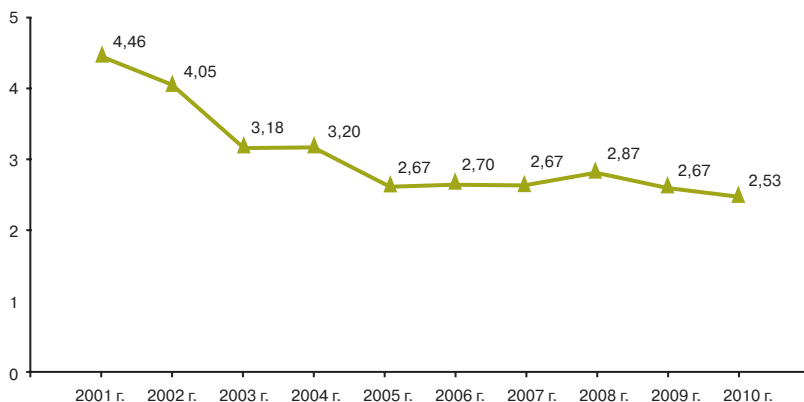
Второй этап исследований (2007 г.) был нацелен как на приобретение нового знания по теории конфликтологии, в частности, на анализ проблем институционализации отечественной конфликтологии и повышения ее социального эффекта, так и на получение и обобщение информации о конфликтных процессах в регионах страны (федеральных округах), их динамике, факторах и путях деэскалации. В отдельный исследовательский сюжет были выделены напряжения и конфликты, обусловленные миграционными процессами, проблемы отношения старожильческого населения к внутренним и внешним мигрантам, адаптации трудовых мигрантов в местное сообщество. Особое место во втором этапе исследования заняла повторная диагностика конфликтного процесса на Юге России, выполненная теми же экспертами, которые участвовали в исследовании 2006 г. Эксперты смогли поразмышлять над собственными прогнозами, сделанными годом ранее, при необходимости скорректировать их и прокомментировать эти изменения.

На втором этапе исследования проекта был значительно расширен круг экспертов за счет включения специалистов из всех федеральных округов. Это дало возможность верифицировать научный материал, полученный на основе анализа регионального конфликтного процесса на Юге России, конкретизировать концепты регионального конфликта, блокового конфликта, конфликтологической дис-

Рисунок 1.

Состояние и прогноз кризисных и конфликтных процессов на Юге России

(Исчисляется по пятибалльной интервальной шкале, где 0 — "фоновая" напряженность, 5 — множественные открытые конфликты)

перности региона и др. Региональные эксперты выступают не только носителями и источниками научной информации, но и представителями жизнедеятельности конкретного социума. Все это обеспечило основательность и полноту материала для получения надежных результатов научного проекта. Следует отметить, что эксперты нередко ссылались на результаты собственных исследований, что, безусловно, повышает валидность представленной ими научной информации.

На основе ответов экспертов из различных федеральных округов России была составлена картина конфликтности по регионам страны. Так, логику нарастания конфликтного процесса на Дальнем Востоке, с точки зрения экспертов, можно выразить следующим образом: а) позиция государства по отношению к региону; б) как результат — неуправляемая и неконтролируемая миграция; в) слабость региональных властей; г) усугубление различий в социально-экономическом положении субрегионов. Дальний Восток, по мнению экспертов, до начала 1990-х годов был относительно благополучной территорией, привлекательной в миграционном плане. Государственная политика была главной составляющей развития и освоения этих территорий. 90-е годы XX в. стали периодом самостоятельного выживания региона, но без необходимых для этого экономических, правовых и организационных механизмов. Устранившееся от решения проблем региона государство, по существу, ответственно за его экономический развал. Миграция в этой ситуации перестает быть положительным фактором развития и приобретает неконтролируемое конфликтогенное содержание, что серьезно осложняет социально-экономическую ситуацию на Дальнем Востоке. С одной стороны, возник неуправляемый миграционный отток населения. В этот период, как считают эксперты, выявилась несостоятельность государственной политики сплошного заселения северных и восточных территорий. Для изменения сформировавшегося миграционного тренда, утверждают эксперты, потребуется такой мощный импульс, который одной программой содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, не обеспечить. С другой стороны, имеет место приток сельского населения в го-

рода и мигрантов из южных регионов страны и зарубежья, что приводит к кризису сложившегося уклада жизни в городах и селах региона. Изменение масштабов экономических задач, решаемых на территории Дальневосточного федерального округа, потребует серьезного пересмотра состава менеджеров региональных властей, которым не удастся преодолеть односторонность социально-экономической инфраструктуры, сложившейся в советский период, и выровнять социально-экономическую ситуацию в регионе. В результате, резюмируют эксперты, разница в социально-экономическом положении субъектов РФ выступает одним из значимых конфликтогенным фактором на Дальнем Востоке.

Конфликтные процессы в **Сибирском федеральном округе** на протяжении последних десяти лет, по мнению большинства экспертов, не характеризуются непосредственной экономической обусловленностью, поскольку регион имеет стабильный тренд развития. Основой политической и экономической стабильности является сильная региональная власть, которая использует социальный контракт о социально-экономическом сотрудничестве между региональной властью и крупнейшими финансово-промышленными группами как механизм поддержания стабильности. Значимым конфликтогенным фактором для Сибири выступает миграционный, который, по мнению экспертов, является и результатом разницы в социально-экономическом положении субъектов РФ, и причиной усиливающей эту разницу. Действительно, по основным социально-экономическим характеристикам регион в целом выглядит достаточно привлекательным для мигрантов. Важнейшими факторами привлечения мигрантов являются рост и стабильность заработных плат и пенсий, и как следствие — платежеспособность населения, рост промышленного производства. Кроме того, в регионе наблюдается приемлемый уровень этнической толерантности, что создает для иноэтничных мигрантов благоприятную социокультурную среду. Конфликты на национальной почве нечасты. Однако в последние годы наблюдается прирост населения за счет мигрантов в условиях негативно-пассивного отношения к этим процессам коренного населения, что делает миграционную и этнокультурную характеристики региона наиболее проблемными. Негативный образ мигранта в значительной степени формируется местной прессой, считают эксперты, и включает в себя характеристику мигранта как маргинала и девианта.

Эксперты, оценивая основные конфликтогенные факторы в Уральском федеральном округе, исходили из очевидного деления пространства округа на две части: процветающую за счет добывающих отраслей и дотационную. По мнению экспертов, в настоящее время на Урале во многих отношениях спокойная обстановка, не имеющая явно острых конфликтных признаков. Однако фоновые напряжения имеются, они связаны с многолетним разрывом в доходах работников бюджетной сферы и работников добывающих производств.

Другим значимым фактором регионального конфликтного процесса эксперты называют конфессиональный. В последнее время в регионе складывается новая конфликтогенная проблема, которая характерна и для страны в целом. Активизировались религиозные организации, прежде всего Русская православная церковь, для которых северная консервативная среда благоприятна для реализации миссионерских устремлений. Наблюдается неформальное переплетение интересов местных элит и деятелей церкви. Внешними признаками этого является наличие икон и религиозной литературы на рабочих местах в служебных кабинетах должностных лиц из органов власти и местного самоуправления, неуместно частое упоминание Бога в публичных местах, демонстрация должностными лицами своей религиозности. В местных СМИ, содержащихся на бюджетные средства,

участилась информация о поездках священнослужителей по региону, обнаружуются их мнения по различным вопросам, относящимся к светской сфере. Эти и иные факты повышенного религиозного присутствия в сферах, отнесенных к гражданско-светским, вызывают недоумение и беспокойство части населения, свидетельствуют о недостаточном правовом (законодательном) регулировании формально-служебной сферы отношений должностных лиц из органов региональной и местной власти с иерархами и местными священнослужителями различных конфессий. Отмеченные явления со временем могут привести к нарастанию противоречий между светскими и религиозными институтами.

Поволжский федеральный округ — один из самых многонациональных регионов России, однако в Поволжье, считают эксперты, не происходит концентрации конфликтогенности, свойственной для других полиэтничных российских регионов. В современных условиях в регионе, по утверждению экспертов, "не существует ярко выраженных конфликтных ситуаций. Пики политических и экономических коллизий в почти далеком (5–10-летней давности) прошлом". Но латентные формы накопления "конфликтного вещества" имеют место. Как полагают эксперты, многие из латентных конфликтов были спровоцированы социально-экономической политикой региональных и муниципальных властей. Это произошло, по их мнению, за счет того, что "в 2000-е годы центральные органы власти практически перестали участвовать в экономике региона, а региональные власти, встав на ноги, стали полными хозяевами положения как в экономике, так и в политике". Однако, отстаивая интересы крупного капитала, они не способны использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы для нивелирования ущерба, наносимого непосредственной экономической политикой центра, что порождает недовольство населения и социальную напряженность в регионе. Региональные органы власти в силу своей коррумпированности, отмечают эксперты, не могут эффективно регулировать миграционные процессы. Это болезненно отразилось на самых незащищенных слоях населения, поскольку неконтролируемая миграция привела к переходу под контроль мигрантов некоторых ниш в сфере обслуживания, в торговле, общественном питании и строительстве, разорению старых фирм в этой сфере и увеличению безработицы. Эксперты уточняют, что проблему создает не столько инокультурная неконтролируемая миграция, сколько ориентация мигрантов на создание обособленной инфраструктуры и отсутствие у них стремления к культурно-бытовой интеграции. Это нашло отражение в актуализации не только миграционного, но и этнокультурного компонентов в конфликтах.

К латентным конфликтам эксперты, в частности, относят конфликты между малым бизнесом, с одной стороны, и муниципальными, республиканскими/региональными властями — с другой, между социально ущемленными группами и теми же муниципальными и региональными властями. В этой ситуации эксперты предлагают следующее понимание уровня региональной конфликтности в округе по пятибалльной шкале: экономические проблемы — 4 балла; внутривластная нестабильность — 3 балла; миграционное напряжение — 2,5 балла.

В качестве основного конфликтогенного фактора первого десятилетия XXI в. в **Центральном федеральном округе** экспертами выделен экономический. По-прежнему, отмечают они, "нет внятной экономической политики. Идет непрекращающееся наращивание капитала в руках небольшого числа олигархов, увеличивается дифференциация доходов, налоговая система работает на богатых, "своя" промышленность отстает, живем за счет цен на нефть и газ". По мнению экспертов, уровень благосостояния населения растет неравномерно, что порождает конфликтные настроения у наименее обеспеченных слоев населения.

Кроме того, эксперты фиксируют новые, не свойственные ранее Центральному федеральному округу, конфликтогенные факторы. Так, главной причиной напряженности в последние годы являются этнические конфликты старожильского населения с приезжими. Бурное привлечение капитала в регион при отсутствии резервов рабочей силы неминуемо привлекло массу мигрантов. Это обусловило возникновение противоречий между старожильским населением и мигрантами, которые в условиях общего кризиса (экономического, социального, психологического), дезорганизовавшего традиционные механизмы саморегуляции локальных и региональных социумов, и благодаря различным коррупционным механизмам приобрели ряд привилегированных позиций в отдельных видах деятельности. Состояние фрустрации большей части коренного населения, а также связи между коррупцией и привилегированным положением некоторых диаспор создают мощное психологическое напряжение, которое проявляется в активности населения, особенно молодежи (скинхеды и т.д.).

Северо-Западный федеральный округ в контексте региональной конфликтологии не характеризуется, по мнению большинства экспертов, каким-либо своеобразием. По-прежнему экономические факторы выступают основными в динамике конфликтных процессов и на Северо-Западной России. Эксперты поясняют: "...в силу того, что экономическая политика нацелена на поддержание соответствующей интересам буржуазии прибыли, то тем самым вполне вероятно, что именно экономика является наиболее конфликтоемкой. Миграционные процессы, будь они неконтролируемые, контролируемые или формально контролируемые, в конечном счете также нацелены на получение дополнительной прибыли, и в этом смысле они выступают конфликтогенным фактором, но не столь значимым, как экономический". Эксперты следующим образом описывают связь экономических и миграционных процессов. "Экономическая политика центральных органов власти за эти годы продолжает... канализировать аморфные протестные настроения в русло удобных и приемлемых социальных предрассудков посредством полностью контролируемого информационного пространства. Объектом таких предрассудков сегодня и выступает растущее число мигрантов. Именно динамика и объемы миграционных процессов делает их удобной мишенью канализации протестных настроений, а не их реальное место и роль в пространстве социального дискурса".

Обозначив конфликтогенные факторы, эксперты отметили, что в Северо-Западном федеральном округе региональный конфликтный процесс не имеет ярко выраженных открытых форм, которые бы определили конфликтологический облик региона, но сохраняется существенная база для развития конфликтных процессов по различным направлениям.

В Южном федеральном округе, имеющем устойчивый конфликтологический облик как территории высокой этнополитической конфликтности, в первом десятилетии произошли важные изменения в иерархии основных конфликтогенных факторов по сравнению с 1990-ми годами (табл. 1). Если в первое постсоветское десятилетие доминировали факторы исторического характера, особенно связанные с извлечением из исторической памяти драматических и трагических периодов и событий того или иного народа, то в текущем десятилетии конфликтные процессы в регионе определяются прежде всего современными факторами, среди которых важнейшими являются экономические.

При этом наряду с традиционно выделяемыми конфликтогенными факторами, характерными и для 1990-х годов, — высоким уровнем безработицы, низким уровнем жизни значительной части населения, резким имущественным расслоением, к концу первого десятилетия XXI в. появились новые конфликтогенные

Таблица 1.

Изменение иерархии основных конфликтогенных факторов в первом десятилетии XXI века по сравнению с 1990-ми гг.

№	1990-е годы	2000-е годы	Среднее место в рейтинге
1	Нацстроительство в регионе в 20–30-е годы XX века	Особенности российской экономики начала XXI века	1,75
2	Депортации периода Великой Отечественной войны	Политика центральных органов власти в 2000-е гг.	2,00
3	Политика центральных органов власти в 1990-е гг.	Национально-территориальное устройство Юга России	2,13

Примечание:

Среднее место в рейтинге исчисляется как среднеарифметический результат в рейтинге пяти наиболее значимых конфликтогенных факторов из восьми предложенных экспертам.

факторы экономического порядка, связанные с особенностями современного этапа развития федеральной и региональной экономики. Прежде всего это анклавный характер модернизации экономики Юга России, вследствие чего здесь возникает новый раскол — между активно модернизирующимся Азово-Черноморским регионом и остальной частью ЮФО, к которой относятся "национальные" республики и в которых сохраняются тенденции демодернизации и архаизации экономики, влекущие за собой соответствующие процессы в социально-политической и духовной сферах жизни. Кроме того, это противоречивое воздействие активного прихода в регион московского капитала, который, с одной стороны, стабилизирует этнополитические процессы, теснее связывая экономику субъектов Федерации, расположенных на территории ЮФО, с общероссийской экономикой, а с другой — обладает существенным конфликтогенным потенциалом, вступая в противоречие с экономическими интересами местных этнополитических элит. Наконец, это возможный новый передел собственности, который неизбежно затронет этноклановые интересы.

Эксперты полагают, что действие экономических факторов как конфликтогенных сохранится еще в течение длительного времени, поскольку, во-первых, даже в самых благополучных регионах (Ростовская область, Краснодарский край) миграция, безработица, бедность продолжают оставаться ощутимыми проблемами; во-вторых, передел собственности и раздел сфер влияния элит на финансовые потоки все еще далек от завершения, хотя пик борьбы уже миновал; в-третьих, у федерального центра отсутствует внятная экономическая политика, направленная на оживление реального сектора экономики, что не позволяет создать материальные и финансовые резервы для решения социальных проблем; в-четвертых, элита будет стремиться отвлечь внимание общественности от реальных экономических процессов, переводя энергию или протестные настроения масс в традиционную (этноконфессиональную) сферу.

Эксперты обратили внимание на особенности функционирования экономического фактора в "национальных" республиках. Так, они отмечают, что в постсоветский период изменилась структура производства и структура занятости населения Юга России: наблюдается активизация этноклановости во всех сферах, приватизация по этническому признаку, моноэтничность коллективов и др. Эксперты подчеркивают также другую особенность экономической конфликтности на Юге России. В частности, они указывают, что на Северном Кавказе, особенно в сельских территориях, где проживает большинство населения, на массовом уровне преоб-

ладает бедность, преодоление которой идет преимущественно по двум направлениям — выезд молодежи на отходные промыслы в российские регионы или уход в криминально-боевые структуры. В сложной, нередко непредсказуемой социально-экономической ситуации люди начинают искать "убежище" в этничности и вере, и общество распадается на этнические и конфессиональные фрагменты, слабо связанные друг с другом. "Погружение в этничность", по мнению экспертов, часто сопровождается стремлением слить воедино этническую и политическую единицы, что в конечном счете и ведет к межэтническим конфликтам и сепаратизму. В результате в южнороссийском регионе действует синтез экономического, этнополитического, этнокультурного и миграционного факторов, что и поддерживает в течение длительного времени социальную напряженность в регионе.

Таким образом, сравнительный анализ конфликтных процессов в российских регионах позволяет сделать вывод о том, что конфликтный потенциал наиболее высок в Дальневосточном, Южном и Центральном федеральных округах (рис. 2).

При этом системообразующий признак в конфликтных процессах, которые являются общими для всех регионов России, на современном этапе развития страны — экономический (рис. 3). Кроме Сибирского федерального округа он определен экспертами во всех остальных округах в качестве основного или одного из наиболее значимых.

Кроме того, выраженную конфликтогенную функцию эксперты отводят миграции, подчеркивая ее особую роль в конфликтных процессах на Дальнем Востоке, на Юге и в Центральной России, в Сибирском федеральном округе. При этом эксперты отмечают различные конфликтогенные эффекты внутренней и внешней миграции.

Учитывая, что роль миграционного фактора в динамике региональных конфликтных процессов становится одной из главных, при формировании государственной и региональной миграционной политики необходимо соотносить экономическую эффективность иммиграции и ее конфликтогенность. Миграции стали неотъемлемой реальностью современности и в известной степени потребностью развития России. Так, квоту на привлечение иностранной рабочей силы на

Рисунок 2.

Конфликтный потенциал регионов России (федеральных округов)

(Исчисляется по пятибалльной интервальной шкале, где 0 — "фоновая" напряженность, 5 — множественные открытые конфликты)

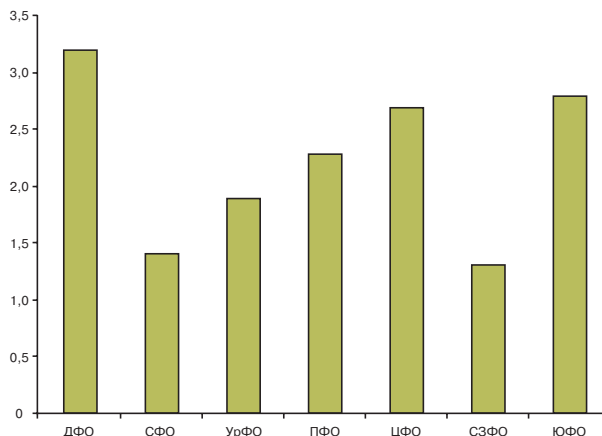
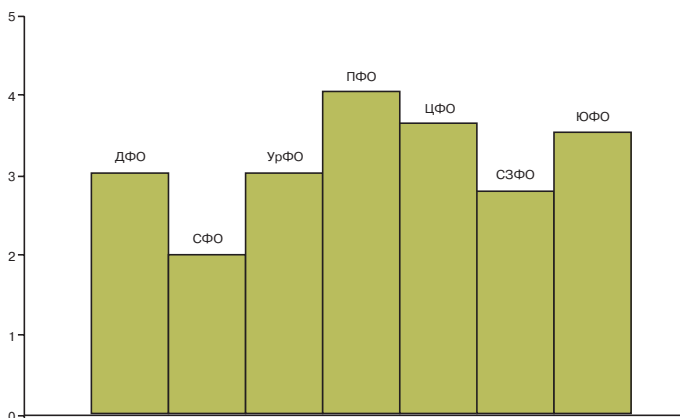

Рисунок 3.

Значимость экономических процессов среди системообразующих признаков региональных конфликтов (по федеральным округам)

(Исчисляется по пятибалльной интервальной шкале по семи предложенным экспертам признакам)

2008 г. имеют все без исключения субъекта Федерации, расположенные на территории Южного федерального округа, несмотря на то, что во многих республиках Юга России безработица рассматривается как одна из наиболее острых проблем [2]. Проблемы миграции и управления ею (в действительности — ее ограничения) постоянно являются объектом общественно-политического дискурса в большинстве территорий южнороссийского макрорегиона.

Исследование показало, что конфликт-менеджмент в российских регионах пока не стал органической частью управленческой деятельности, хотя определенные позитивные тенденции имеются. Взаимодействие конфликтологов-экспертов с властью в основном ограничивается написанием аналитических записок, участием в различных мероприятиях, проводимых властными органами (круглые столы, экспертные сессии, коллегии и комиссии при органах власти). Во многих регионах имеются специализированные центры и лаборатории, кафедры конфликтологии в высших учебных заведениях, общественные организации конфликтологической и миротворческой направленности. Большой проблемой является востребованность профессиональных конфликтологов, подготовка которых осуществляется или начинается в десяти вузах России: конфликтологическое образование не входит в квалификационные требования к кандидатам на замещение должностей государственных и муниципальных служащих, даже если характер их деятельности предполагает конфликт-менеджмент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы первого этапа исследования опубликованы в монографии: Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриева А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение. М., 2007.
2. Российская газета. Регион: Экономика Юга России. 22 июля 2008 г.

Using various criteria the authors are measuring existing and potential levels of social conflicts in different regions of the country.

Осенью 2007 года ВЦИОМ провел конкурс студенческих работ по социологии, посвященный 20-летию ВЦИОМ. Тематика работ была посвящена "социальному портрету молодого россиянина в начале 21 века". В конкурсе приняли участие студенты социологических факультетов МГУ, РГГУ, РГСУ, ГУ-ВШЭ. Конкурсная комиссия, состоявшая из ведущих социологов и специалистов ВЦИОМ, присвоила вторую премию работе студентки РГГУ Евгении Лозгачевой.

Е.А. Лозгачева
ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ:
ОСОБЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

По статистике, распространенность игровой зависимости во всем мире составляет около 2–3%, при этом среди игроков преобладают мужчины в возрасте от 20 до 45 лет. Только в Москве (по неофициальным данным) любителей поиграть — более 1,5 млн. человек.

Анализ литературы показал, что единой концепции, объясняющей все особенности явлений зависимости, не существует. Исследователи чаще всего связывают причины и условия ее развития с предрасполагающими особенностями личности и с воздействием социальной среды. Точных ответов на вопросы о механизмах и стадийности развития данного феномена нет. Тем не менее в его формировании выделяется ряд общих закономерностей:

1. Изначально зависимость возникает в результате неправильного взаимодействия личности с окружающей средой.
2. Зависимость формируется в условиях значительного эмоционального предпочтения человеком одних объектов по сравнению с другими.
3. На разных стадиях развития зависимость может проявляться эпизодически, ситуативно или систематически. Внешне она выражается в потере контроля над поведением и в сужении круга интересов.
4. Переход на более глубокие стадии развития предопределяется факторами, способствующими систематическому положительному подкреплению аддиктивного поведения социальной средой.
5. Крайние формы зависимости возникают на фоне интенсивных и длительных эмоциональных переживаний.
6. Развитие зависимости затрагивает потребностно-мотивационную структуру личности.

В процессе игры человек обычно расслабляется, снимает эмоциональное напряжение, отвлекается от неприятных проблем. Игра рассматривается как приятный досуг — это тоже может способствовать развитию зависимости.

Следует подчеркнуть, что современная игра в игорных заведениях — достаточно сложное явление и изучать его нужно в контексте различных гуманитарных дисциплин: социологии, философии, психологии, экономики. С социологиче-

ЛОЗГАЧЕВА Евгения Анатольевна — студентка социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).